

Ч Е Й Г И Н П Е Т Р

СОЛЪЕДЖИО

Но шмель здоров, и жаворонок светит,
и насекомая волна водой блестит,
и вереск осторожный налетит,
чешуйки губ погладит и польстит
знакомством долгим в Валаамской медью...

Весь первый час корнями укрепляя
тропинку малую, вела в постель заря
не человека, а крыло нетопыря,
ветвь полнолуныя, "Арго" без руля,
слепя листом и пальцами играя.

Недолго ельник ленью щекотал.
Бугром бензина выступил проезжий
участок лета. На него приезжий
свалился арлекином на манеже,
пригладил волосы, свои цвета узнал.

Отравлены и выжжены места,
где Слово соблюдал и объяснялся.
Зеленое горжет спазмой красной.
Отлив земли. Ты здесь хотел остаться,
да стрелка неприступна на весах.

Ров карасями сыт, и рыбы солнце гнут.
Но голодны тобою месяц пятый
колени, и охота, и распятый,
тот самый, Божьей милостью объятый,
в котором объяснение минут.

* * *

На выданье постройка. На лету
обвал кленовый. Пестики, поленья.
Где слева, справа Солнца шевеленье.

Он на крыльце увидел на мгновенье
последний муравейник, но в цвету...

Что скажет ангина в конверте?
О море, приправах, камнях,
о белых ночных пузырях,
о славе на птичьих правах,
о всем, что бывает на свете....

Постройка и легкая рань
стояла реальною кадкой,
лежала конспектом прабабки.
Минуя укропные грядки,
он лег на чердачный диван.

Заснул, а виновник вестей
над ним приготовил побудку
гулящим котенком за сутки
до ливня и меда простуды,
и вихря на хвойном стекле.

Но позже. Котенок проник
и лапой дыхание ловит
у спящего. Тот прекословит,
проснулся -- котенок не стоит
указки. И вечер стоит..

. . .

3 Так вечер стоит на губах,
так празднуют лень занавески.
Упругий котенок подвеской
гуляет, стесняясь, и тесно
от Солнца во сне и в висках.

Дитё посадив на плечо,
подняв бельевые веревки,
он вышел, и волей кремневки
внизу разогнулись оковы
реки и лугов и еще...

И первый среди, цвет любви --
заброшенный ландыш в чащобе --
сводил с ним давнишние 'счеты
по части его недочетов
в подборе нагорной листвы.

И спор отложив до грозы,
родник выпускал на сластену,
раскладывая голос зеленый
пичуги в подрамнике клена,
звездой укрепляя азы...

Так сладко бывает бродить,
настаивая настроение,
и опыт пчелиного зренья
поднять до всемирного мненья
и мысль отпустить на зенит...

Прележивал щеки июнь
у дачи, коровника, вики.
Сушил глинозем для брусники
и в этой мороке великой
одалживал слюни у сонь.

Но если июнь умывал,
то август наращивал связи
лица с межпланетной страстью,
и влажной ночью, в ненастье,
антоновкой падал в стакан.

Магнитные звезды кольца
на яблочной груди каникул
его обводили, как нити,
и путь излучили на "Нику",
на срезе скворца и свинца.

Так шел поворот, и паром

приглаживал воды у Леты,
и Слово палило кометой,
когда двадцать пятое лето
его привело на поклон

к могилам по крови. Цветам
на выступе жизни. На первый
участок ожога. На вербы
в небесных колодцах. На нервы
заката. Бысть слову "Воздам".

5 Природное явление Любовь
имперским облаком напало и смутило.
Порою той апрельские светила
успешнее сияли и крикливо
воронья пасека разбалтывала кровь.

Линейка Солнца разрежала двор
и белой половиной охлаждала.
И тем глубинней становилась яма,
в которую полночь меня ввергала
и выносила в алчущий простор.

Целебный турман разводил венки
прямой указкой гоночного свиста.
И волновался, и в порыве веста
ласкал крылом возвышенного свойства
над жерлом оживающей реки...

Вином кокетливым распахивая грудь,
я начинал Весну, была опасна поступь,
заметней тень и говорливей роспись,
когда явился долгожданный призрак,
и сон застыл, тяжел, гремуч, как ртуть,

наряд лица, закрытый покрывалом.
Смертельный призрак, вылепленный сном.

Ни слова, ни угрозы. Но челом,
руки движеньем знать дал об одном,
что мне позволено остаться в жизни правым.

6 Поклон каналу. Видит Бог -- я жив
и вывожу словарь из окруженья.
Так холодны и солонны растенья
моей души, что и труба оленья
не выберет любовника из них.

Разочаруй чернила, пыл стеблей опал.
Пускай гулена бродит на здоровье.
Теплее, чем дыхание коровье,
лучи ласкают птичье изголовье
и каждый обнимает свой кристалл.

Вот ночь татарская ведет грудных коней.
И ландыш прячется, замешивая ливень,
определив узорчатой малине
ухаживать за долей лунной глины
и врачевать добычею своей...

Магнита пульс и ландыш на лету
грозили одинаково, и зная
об этом факте -- он -- как тень живая,
сестре и брату голову склоняя,
огонь плескал на белую слюду...

О Боже праведный, чья сила одолеет?
Природы тать или магнит Вселенной?
Сустав галерный жаждал перемены.
Но сроки выжданы и откровенный
дележ настал, повествование родеет.

7 Всех женщин, что любил автопортрет,

отмыло снегом, выпивкой сманило.
 Прямая речь последнюю скрутила.
 На Троицу дите себе родила.
 Травы той трубной на припекѣ нет.

Одна сморода, черная слюна
 дробит стекло погожим урожаем,
 да чибис тянется, распутывая шали
 тумана у подножия державы,
 да спит котенок, солнечный юла.

Не мне тебе наказывать на день.
 Ты захотел, и жизнь должна случиться.
 И торф наполнит нотную страницу,
 в которой пес-прожектор шевелится
 и сватает персидскую сирень.

8 Ты, соль горящая, словарной варки соль.
 Светила полнѣ и кроны волн густые.
 Уносит вас полдневных лезвий стая
 в края корявые, змеинный мох пустыни,
 где губит перьями, белеет птица Моль.

Коренья льда, молочно-алый гул,
 пар города на выемке февральской
 смущали тело и в потоке вальса
 тринадцатиметрового пространства --
 с энциклопедией присел тюремный стул.

Я не шифрую. голова трезва.
 И параллелью третьего совета
 нитье возникло звука, цвета, света
 с необходимостью сѣчасного ответа
 квадратику вселенского сукна...

О, ангел мой, нот в днях моих вины!

Надкушенное яблоко Луны
дышало пустотой,
но милая собака
вела по равелину без помарок.

- Мне всё одно:
- что без тебя,
- с тобой...

Я знал сосну. Пернатая струна
неприкасаемой пульсацией горела,
походы муравьиные корила.

И ночь открытая вокруг была пресна.

Кузины сказку добивались в сон грядущий.
Прибой тумана, зренье стерегущий,
шел на деревню, и на гребне гущи

висела восходящая сосна.

И я хотел о том предупредить
скворца и маятник,
валторну и тебя...

О милая! Как на пороге дня
колодцем горла восходило эхо!
Водой березовой,
вороньим мерным смехом.
На крутизне апрельского огня...

Сноси меня асфальтовой косой!
Циклоном яги, а сны не иссякают!
Тритона ход на первом срезе мая
смирнее похмельного трамвая,
и выше неба стебелек простой.

9 Так началось. Любовью жизнь грозила.
Часы сплелись, Порхали голоса.
Два отражения -- двужалая оса
сверкали жалостью, мелели небеса.
И ревность кубок ливня подносила.

Узки врата смороды ледяной.
Движение суток молнией манило.
Открыл и вышел. Взялся за перила.
Качнуло. Удержался. Место плыло.
И свист прошел над бедной головой.

И подхватил, и выбросил на круг.
И все сбылось. И жизни отошедшей
распались половицы. Ветер вещей
понес его на центр второй скворешни.
И гений разбросал словарь вокруг.
